
ИСТОРИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

УДК 94:347.97/.99:343.1(571.621) DOI: 10.31433/978-5-904121-35-8-2022-107-116

СУДЫ ЕВРЕЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ В БОРЬБЕ С КОНТРРЕВОЛЮЦИЕЙ (30-Е ГОДЫ XX ВЕКА)

Т.С. Брехова

Управление Судебного департамента в Еврейской автономной области,
пер. Театральный 10, г. Биробиджан, 690000,
e-mail: press.osd.eao@mail.ru

В статье рассмотрены особенности карательной политики органов судебной системы на территории Еврейской автономной области в 30-е годы XX в. Приводятся данные статистики по количеству рассмотренных уголовных и гражданских дел, а также примеры репрессивной политики советского государства в отношении различных слоев населения Еврейской автономной области и наиболее громких уголовных процессов.

Ключевые слова: Еврейская автономная область, органы юстиции, народные суды, законодательство, репрессии, уголовные преступления.

COURTS OF THE JEWISH AUTONOMOUS REGION IN THE FIGHT AGAINST COUNTER-REVOLUTION (THE 30S OF THE XX CENTURY)

T.S. Brekhova

The article examines the features of the punitive policy of the judicial system in the territory of the Jewish Autonomous Region in the 30s of the twentieth century. The article provides statistics on the number of criminal and civil cases considered, as well as examples of the repressive policy of the Soviet state against various segments of the population of the Jewish Autonomous Region and the most high-profile criminal trials.

Keywords: Jewish Autonomous Region, judicial authorities, people's courts, legislation, repression, criminal offenses.

В апреле 1930 г/ вышел циркуляр Верховного Суда РСФСР об «исправлении перегибов» в карательной политике. Однако уже осенью того же года начался новый этап форсированной коллективизации и, как следствие, новое ужесточение судебных репрессий. Усилился партийный диктат над судебными органами, прямое вмешательство в отправление правосудия.

В Государственном архиве Еврейской автономной области хранятся сведения о том, сколько дел рассмотрели народные суды с октября 1934 по сентябрь 1935 гг. За это время в суды поступило 670 уголовных [13] и почти столько же гражданских дел [14] (больше всего – в нарсуд Биробиджана). Рассмотрено 582 и 560 дел соответственно. В надзорную инстанцию поступило 232 уголовных дела и 87 гражданских. Отмененных, переквалифицированных решений и приговоров было достаточно много, но это вполне объяснимо в тех условиях, в которых трудились первые судьи нашей области.

Основное внимание в этот период уделялось делам о так называемых контрреволюционных преступлениях. Все они были связаны с коллективизацией и проведением хозяйственно-политической кампании на селе. Партийные органы Дальнего Востока ставили перед судебными учреждениями несвойственные им задачи: реконструкция сельского хозяйства, ликвидация кулака как класса, поднятие урожайности, подготовка семенного фонда и т.д.

Сегодня кажется странным, – но это была повседневная рутина, – что нарсуд Биро-Биджанского района упрекали в слабой борьбе по обеспечению выполнения планов промышленными предприятиями, планов переселения, в отсутствии борьбы за качество продукции. «Не возбуждались и не рассматривались дела по данным категориям преступлений» [15], – отмечалось в постановлении Президиума Биробиджанского Райисполкома от 14 августа 1934 г.

Практически это воплощалось в том, что работники суда и прокуратуры выезжали на предприятия и в села, где проводили показательные процессы, в которых рассматривали дела о невыполнении плана посевной кампании, халатности, убое скота, контрреволюционной агитации и т.п. Кроме того, проводилось разъяснение советских законов и партийных постановлений среди населения

Газетные заголовки первой половины 30–х годов призывали к «беспощадной борьбе с кулацкими агентами», к бдительности, к пресечению «оппортунистических разговоров», к сдаче зерна государству и прочее.

Официально на авансирование колхозников отчислялось не более 10% обмолота зерна, остальное полностью должно отвозиться на ссыпные пункты в счет поставок, возврата семенной ссуды, оплаты МТС за услуги по всем видам полевых работ. Остатки зерна распределялись по трудодням. Понятно, что колхозники получали пшеницы очень мало. Поэтому они старались быстрее смолотить ее на муку и распределить по подворьям. Так, в августе 1933 г. в колхозе «Дальвосток» (с. Венцелево) крестьяне не сдали государству ни центнера, в колхозе «Путь Ленина» сдали 15 центнеров, а остальной урожай распределили по душам [3]. Как утверждали авторы газетных публикаций, единоличники практически не выполняли госплан. В марте 1935 г. в нарсуд Сталинского района направлены дела на корейских крестьян-кулаков, которые прятали семенной фонд (рис) от сельсовета в ямах во дворах своих усадеб.

Уголовно-репрессивные меры к крестьянам в первой половине 30–х годов только набирали обороты. Суды, как и остальные органы юстиции, постепенно

становились карательным инструментом для решения текущих хозяйственных и партийно-политических задач государства. «**Макаров Семен Константинович**, кулак, в колхоз пролез, чтобы скрыть свое кулацкое происхождение, – пишет в обвинительном заключении начальник УНКВД по Еврейской автономной области **Александр Лавтаков** по следственному делу № 5929, возбужденному в отношении крестьянина п. Кукелево Блюхеровского района Макарова по ст. 58-7 УК РСФСР. – В 1930 г. работал председателем сельсовета с. Кукелево, пропустил в армию сына кулака **Парыгина**, не ставил вопроса о лишении избирательных прав кулаков **Парыгиных, Макаровых, Белокрыловых** и др. В 1931 г. в период раскулачивания, являясь членом сельсовета, совместно с председателем сельсовета скрыл от раскулачивания вышеуказанных кулаков». Дело по статье 57-8 УК РСФСР было направлено в специальную коллегия краевого суда [16].

Контрреволюционными назывались и так называемые «антисемитские выпады» некоторых жителей молодой области. Бытовые стычки – в основном между русскими и евреями – на почве национальной неприязни иногда случались и широко обсуждались общественностью. На лесозаготовительной артели им. Смидовича (с. Кимкан Бирского района), сообщала «Биробиджанская звезда», «орудовала рука классового врага»: некий приезжий **Кислицкий** хотел сорвать план заготовок, избивая рабочего-еврея. Показательный процесс не испугал Кислицкого: он продолжал высказывать свое враждебное отношение к еврейским трудящимся прямо на месте судебного разбирательства. Получил два года лишения свободы [4].

Как сами осужденные за «шовинизм» оценивали действия органов прокуратуры и суда, мы можем представить на примере текста следующей жалобы на имя краевого прокурора ДВК г. Хабаровска заключенного по части 2 статьи 74 УК РСФСР 15 февраля 1930 г. **Александра Ивановича Кузьмина**.

«<...> Однажды в свободное время после работы в общежитии занимались рассказами и анекдотами... Я в шутку назвал рассказчика еврея «жидовской мордой» за то, что он сильно заврался. Он же в свою очередь обзывал меня дураком, кацапом и т.п. <...> Я лично не придавал этому никакого значения. Вот мой состав преступления».

Вскоре Кузьмина арестовали и по приговору Блюхеровского нарсуда приговорили к двум годам лишения свободы [17].

Даже дела о хищениях и поджогах по рекомендации партийных органов стали рассматриваться не как общеуголовные, а как политические, – в показательных судебных процессах на производстве, в колхозах и т.д. Выступая в органах печати, нарсудьи призывали руководителей предприятий к «классовой бдительности»: «<...> принимают на работу непроверенных людей, без паспортов и документов. <...> Нередко <среди них> попадают классово-чуждые и преступные элементы. Им доверяют ценности, большие суммы денег, а они пользуются этим, обкрадывая государство где только можно», – писал нарсудья Козлов в июне 1935 г. в газете «Биробиджанская звезда» [5].

Хищения государственных денег особенно были распространены в сфере торговли, в отделениях почты и в сберкассах, в переселенческих конторах. Одно из таких громких дел слушалось выездной сессией областного суда на станции Облучье в июне 1935 г. Некто **Федоров**, бывший слесарь депо, уволенный за прогулы, пришел работать в отделение почты обменщиком. Получив денежные сумки с 28 тыс. рублей, Федоров сдал в почтовый вагон только одну. Заведующая приняла накладную, даже не поинтересовавшись, куда делась вторая. На присвоенные деньги обменщик обзавелся гармошкой, электропилой, костюмами и уехал кутить в Хабаровск. Отличились и другие работники почты. Халатность с подписными изданиями и посылками, которые хранились в отделении как попало, привела к недостаче и потере корреспонденции. Федоров был приговорен к 10 годам в ИТЛ, остальные, в том числе завпочтой – к трем годам лишения свободы [6].

В частных определениях областного суда отмечалось, что на ответственные должности назначались абсолютно случайные граждане – не только ловкие дельцы и откровенные мошенники, но и просто некомпетентные люди, не обладающие профессиональными навыками.

В ночь с 22 на 23 января 1935 г. в Биробиджане в жилом доме для переселенцев загорелась стена. Несмотря на указания коменданта, печи топились круглые сутки. Когда начался пожар, оказалось, что огнетушители не заряжены. Заряды для них хранились в кладовой, и никто – ни заведующий переселенческим пунктом, ни комендант, ни завхоз понятия не имели, зачем они нужны. Судили потом всех троих. Городская пожарная дружина приехала на машине, в бочке которой не оказалось воды. Пришлось ждать другую машину. Начальник пожарной команды приказал жильцам перестать тушить огонь, локализованный в одной из комнат пункта. Пожарные бросились к дому, сломали стену, и огонь от сильного ветра разгорелся еще больше [7] ...

В суды также поступали дела о халатном отношении к государственному имуществу. Так, **Илья Семенович Бабушкин** подал кассационную жалобу в областной суд на приговор суда Блюхеровского района от 27 апреля 1936 г. «Будучи заведующим пасекой и имея желание избавиться от работы на последней, он оставил пасеку без ухода, делая прогулы, и этим самым довел ее до такого состояния, что было уничтожено 50 ульев <из 100>...», – говорится в определении кассационной коллегии. Суд первой инстанции квалифицировал проступок Бабушкина как злоупотребление властью или служебным положением (ст. 109 УК РСФСР). Кассационная коллегия под председательством Перлова изменила приговор: Бабушкин был осужден за бездействие, халатное отношение к службе (ст. 111 УК РСФСР), что позволяло снизить срок наказания с пяти лет лишения свободы в ИТЛ до двух в «общем порядке» (т.е. в тюрьме, а не в лагере [18]).

Наиболее применимым в судебной практике был закон от 7 августа 1932 г. – в народе его называли «законом о пяти колосках». Данное постановление ЦИК и СНК СССР [19] впервые ввело в правовой оборот понятие «хищение социалистической собственности» и установило жесткие меры за подобные преступле-

ния – 10 лет лишения свободы с конфискацией имущества, а при отягчающих обстоятельствах – расстрел.

В ноябре 1934 г. кассир лесозаготовительного участка Дичун (Блюхеровского района) **К.Г. Горбунов** получил в отделении Госбанка 10 тыс. рублей, сложил деньги в вещевой мешок и отправился на участок через станции Биробиджан и Облучье. Прибыв в районный центр, Горбунов несколько раз беспечно оставлял мешок на вокзале и уходил по своим делам. После одной из отлучек кассир обнаружил, что мешок кто-то разрезал, а деньги исчезли.

Похожая история приключилась с кассиром расчетной кассы Госбанка **А.Я. Кустовым**, который выдал в ноябре 1934 г. различным организациям 40 тыс. рублей из Биробиджанского Госбанка и выявил недостачу в 20 тыс. Ни директору банка, ни правоохранительным органам кассир ничего не сообщил. И только спустя 11 дней написал о случившемся в погранотряд. Виновного установить не удалось. Дела рассматривались на выездных сессиях Ильей Перловым: и Горбунов, и Кустов получили 10–летние сроки лишения свободы [8].

В начале 1936 г. начался пересмотр приговоров по закону от 7 августа 1932 г., вынесенных до 1 января 1935 г.: десятки тысяч осужденных по всей стране были выпущены на свободу.

Зато всегда жесткими в СССР оставались уголовные наказания за спекуляции, которые оценивались как стремление к наживе, к личному обогащению за счет чужого труда. Не занимаясь общественно-полезной деятельностью, скупая товары общего потребления и сбывая их в несколько раз дороже, спекулянт, с точки зрения законодателя, наносил материальный ущерб государству и народу. Важно отметить, что по Уголовному кодексу от 1926 г. каралась не скупка и перепродажа товаров вообще, а только та, которая сопровождалась злостным повышением цен, а также сокрытием или невыпуском товаров на рынок. Наказание не было суровым. Но в 1932 г. было издано Постановление ЦИК СССР № 46 «О борьбе со спекуляцией» – теперь незаконный сбыт продуктов сельского хозяйства и предметов массового потребления карался лишением свободы на срок от пяти до 10 лет лишения свободы без права амнистии.

Так, в сентябре 1936 г. городской суд Биробиджанского района под председательством Н. Гехмана рассмотрел дело в отношении переселенца из Белоруссии, сапожника. Потеряв место работы, он стал скупать в Хабаровске ложки, чайники и столовые гарнитуры и продавать их биробиджанцам. Суд приговорил его к пяти годам в ИТЛ. Но, подчеркнул Гехман, следует учесть молодость обвиняемого, небольшие объемы незаконно проданного товара. Окончательное наказание снижено до двух лет тюремного срока [1]. Торговали из-под полы не только кухонной утварью, но и отрезами на платья, шальями, мылом, махоркой и папиросами. Всю эту бакалею в некоторых поселках и даже в областном центре купить было сложно по причине хронического дефицита.

Иногда среди переселенцев попадались авантюристы, вору-рецидивисты и убийцы, не имеющие при себе ни паспорта, ни других документов. Но рабочие руки нужны были везде и потому руководители предприятий и артелей принима-

ли на работу абсолютно случайных людей. Одним из таких преступников оказался некто **Т.П. Озеров**: парень приехал на Дальний Восток в 1934 г. и устроился на строительный участок Уссурийской железной дороги (Биробиджан). 26 января заманил в лес молодого рабочего, топором раскроил ему череп, забрал паспорт и 250 рублей. На эти деньги Озеров купил себе пальто. Общественность была возмущена случившимся. Обвинение в суде ЕАО поддерживал прокурор области **Яков Александровский**. Озерова приговорили к расстрелу [9].

В 1937–1938 гг., в период Большого террора, значительная часть политических преступлений рассматривалась «тройками» НКВД, то есть негласно и без судебного разбирательства. Однако когда в январе 1938 г. вышло знаменитое постановление Пленума ВКП (б) «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП(б) и о мерах по устранению этих недостатков», по стране прошла волна судебных разбирательств над клеветниками и доносчиками. Местная пресса сообщала, цитируя положения этого постановления, что «среди коммунистов существуют, еще не вскрыты и не разоблачены отдельные карьеристы – коммунисты, старающиеся отличиться и выдвинуться на исключениях из партии, на репрессиях против членов партии, желающие застраховаться от возможных обвинений в недостатке бдительности путем применения огульных репрессий против членов партии». Центральный Комитет потребовал разоблачить таких, с позволения сказать, коммунистов и заклеить их как карьеристов, как злостных клеветников» [10].

Пожалуй, самое известное показательное в Еврейской автономной области уголовное дело о клеветниках рассматривалось в отношении **Баси Берковны Халиф**, 1900 г. рождения, уроженки колонии Волдырка Молдавской АССР, проживавшей в Биробиджане. В 1937–1938 гг. Халиф возглавляла ответственные партийные участки, в том числе в редакции газеты «Биробиджанская звезда», в Бирском райкоме ВКП (б), пользовалась доверием как партийный руководитель. Периодически она направляла в органы НКВД заявления на своих сослуживцев и работников других учреждений и предприятий, например, на редактора газеты «Биробиджанер Штерн» **Марка Соломоновича Бирмана**, который по навету Халиф был арестован в июле 1938 г., но спустя год реабилитирован. Подавала она заявление и на помощника прокурора области, впоследствии – начальника уголовно-судебного отдела прокуратуры **Якова Анатольевича Гурарье**, обвиняя его и супругу в связи с врагами народа и в шпионаже. «Приспешниками врагов народа» она объявила и работника областного управления связи **Берензона** только за то, что задолжала Союзпечати 159 рублей, и директора бани **Тайцланда**, и журналиста областной газеты **Ясинского**. Разбирательство уголовного дела Халиф было сложным, опрошены множество свидетелей. Не все пункты обвинения подтвердились. Но и доказанных было достаточно. Народным судом второго участка Биробиджана Бася Халиф осуждена в ноябре 1940 г. по ч. 2 ст. 95 УК РСФСР на два года, без последующего поражения в правах.

Это судебное разбирательство можно было бы оценивать как одиозное и показательное, продиктованное требованиями номенклатурного руководства, однако в протоколе III областной партийной конференции, состоявшейся в мае 1938 г., сохранилась запись выступления Баси Халиф в прениях, подтверждающее справедливость приговора.

Довольно вызывающе она отчитывала поэта Эммануила Казакевича, который к тому времени уже навсегда покинул Биробиджан. Зная, что с легкой руки партийных органов Казакевича считают шпионом и дезертиром, она в своем выступлении называла его «прихвостнем Лаврентьева, Крутова, Хавкина, Либерберга – всей этой банды».

Халиф была единственным докладчиком, говорившим о «вредителях» в писательской и журналистской среде и настаивавшем на ликвидации последних, еще не арестованных членов Союза писателей. «Банда врагов **Клитеника, Рабина, Гольденберга** оставила свои корешки – и это, в первую очередь, Казакевич», – отмечала Халиф.

Направляя руководство области на Эммануила Казакевича, Бася Халиф назвала и еще несколько имен: «С этой бандой тесно связан **Вайнгауз**, возглавляющий идеологический фронт, радиоискусство, театр. До сих пор имеются «незаменимые» лектора **Гольдфрайн** и др.»

Партийная конференция мая 1938 г. подводила итоги ликвидации «троцкистов» Хавкина и остальных руководителей области, а, главное, вторила положениям январского Пленума о клеветниках и перестраховщиках. Докладчики, наконец, смогли открыто говорить об ужасных наветах на честных граждан. «У нас почти на каждого коммуниста поступали компрометирующие материалы», – возмущался начальник политотдела 1 отделения ДВЖД **Кислов**.

Исключенные из партии по оговорам коллег, сослуживцев, соседей опальные коммунисты подавали апелляции в обком, однако их никто не рассматривал. Из доклада руководителя обкома ВКП(б) **Гирша Сухарева** выходило, что к декабрю 1937 г. накопилось 114 нерассмотренных жалоб бывших партийцев. К весне 48 человек были восстановлены. Правда, многие ненадолго. Например, бывший обкомовский работник **Ф.А. Стасюков** был арестован УНКВД незадолго до проведения этой конференции. Оправдан военным трибуналом в октябре 1939 г. благодаря его настойчивым заявлениям в органы прокуратуры.

Выступление Баси Халиф явно выбивалось из общего настроения участников конференции. Она словно не понимала ту атмосферу, которая сложилась после январского Пленума и продолжала оговаривать своих товарищей, с которыми работала в редакции.

Показательна реакция Сухарева. Готовясь отвечать на доклады в прениях, он наскоро набросал следующий ответ на выступление Баси Берковны:

«<...> но разве можно было ждать конференцию? <...> Товарищ Халиф – член обкома. Мы с ней встречаемся ежедневно – и в обкоме, и на улице. Давно можно было поставить этот вопрос о Казакевиче и других... Надо было этот вопрос поднять несколько раньше».

Затем эту реплику Сухарев поправил – что-то убрал, написал заново, а потом полностью зачеркнул и, судя по всему, оставил клевету Халиф без ответа. Линия партии поменялась, многих осведомителей и стукачей ждали аресты и громкие судебные процессы. И Сухарев, возможно, это предвидел.

Несмотря на все наветы, творчество Казакевича не забывалось в Биробиджане. Например, его комедия «Молоко и мед», написанная, предположительно, в начале 1938 г., уже в декабре 1939-го шла на сцене БирГОСЕТа.

Вообще, порядочность и чувство локтя часто уберегали людей от судебного преследования или, наоборот, отсутствие таких качеств ломало судьбы и жизни. В предвоенные годы приметой времени стало суровое отношение государства к прогульщикам, к опаздывающим, к так называемым «летунам». По мнению органов юстиции, руководители предприятий «замазывают» факты прогулов, а прокуроры и судьи «извращают» рассматриваемые дела и нередко выносят оправдательные приговоры. Лишение свободы за прогулы не укладывалось ни в какие разумные представления о справедливости закона.

По указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» нарсуды обязаны были рассматривать дела прогульщиков и летунов в течение пяти дней. В случае нарушения этих жестких сроков судьи обязаны были писать объяснительные на имя председателя облсуда [2].

В реальной практической деятельности это требование было еще более жестким: прокуратуре на следствие по делу и судье на вынесение приговора отводилось всего пять дней. Все остальное – доводы о том, что этот срок только для судей – в местной прессе называлось «судейской отсебятиной», с которой «надо покончить» [11].

Приговоры прогульщикам были действительно суровыми. Так, за двухдневное отсутствие на работе – лечение у зубного врача – некто Уваров приговорен к шести месяцам исправительно-трудовых работ с удержанием 25% заработка. Областной суд оставил приговор в силе, указав, что справки о посещении поликлиники не могут служить документами для освобождения от работы. Или, например, уборщица самовольно оставила артель «Кирпичики» и устроилась на станцию Биробиджан. За это была приговорена к четырем месяцам тюремного заключения [12]. Рабочий, приехавший по вербовке на станцию Ин, один из прогулов объяснил тем, что трудился у себя на огороде. Шесть раз менял место работы. Приговорен к шести месяцам ИТЛ с удержанием 25% заработка [2].

К 1940 г. в народных судах Еврейской автономной области накопилась солидная практика по рассмотрению уголовных и гражданских дел. Однако общие выводы были неутешительными. Из-за высокой текучки кадров, политических репрессий, слабого образовательного уровня судебных работников качество рассмотренных дел оставалось крайне низким и постоянно критиковалось руководством областного суда и партийными органами. Последние считали, что все дело

в «политической близорукости» отдельных народных судей, «извращающих» задачи партии. Но руководителям областного суда было очевидно другое: малограмотные судьи зачастую не знали элементарных требований гражданского и уголовного процессуальных кодексов.

В обзорном письме о работе нарсудов Еврейской автономной области за июль 1940 г. Ноах Гехман пишет: «<...> о плохом качестве работы говорят такие цифры, когда из общего количества рассмотренных судебной коллегией дел – 47, оставлено в силе 23 приговора, с изменением – 9, отменены и направлены на новое рассмотрение – 8, отменено с доследованием – 5, прекращены – 2». То есть почти 50 процентов приговоров нарсудов – это, говоря языком обывателя, брак, обнаруженный судом вышестоящей инстанции.

Но особенно небрежно работали народные судьи с гражданскими делами. В июле 1940 г. в судебную коллегию по гражданским делам поступило 39 дел. Из них оставлено в силе только 10 решений. По словам Гехмана, причина «такого громадного количества отмены судебных решений в том, что суды не выполняют требований ст. 80 ГПК и примечания к ней. То есть судьи игнорировали ходатайства сторон о вызове свидетелей, затребовании справок или документов, могущих повлиять на исход спора. Особенно много нареканий было к судьям Ленинского района **Волкову** и **Фельдману** [2].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Архив Биробиджанского районного суда. Приговор от 23.09.1936.
2. Архив Смидовичского районного суда. Переписка с органами юстиции за 1937–1940 годы.
3. Биробиджанская звезда. 1933, 11 авг.
4. Биробиджанская звезда. 1935, 15 июня.
5. Биробиджанская звезда. 1935, 11 июня.
6. Биробиджанская звезда. 1935, 24 июня.
7. Биробиджанская звезда. 1935, 16 марта.
8. Биробиджанская звезда. 1935, 12 июля.
9. Биробиджанская звезда. 1935, 23 марта.
10. Биробиджанская звезда. 1939, 23 нояб.
11. Биробиджанская звезда. 1940, 07 авг.
12. Биробиджанская звезда. 1940, 30 авг.
13. ГА ЕАО. Ф. 234, Оп. 3, Д. 2, Л. 5.
14. ГА ЕАО. Ф. 234, Оп. 3, Д. 2, Л. 6.
15. ГА ЕАО. Ф. 234, Оп. 3, Д. 1, Л. 1.
16. ГА ЕАО. Ф. 36, Оп. 1, Д. 387, Л. 86.
17. ГА ЕАО. Ф. 36, Оп. 1, Д. 144, Л. 104.
18. ГА ЕАО. Ф. 36, Оп. 1, Д. 387, Л. 88.
19. Постановление ЦИК и СНК СССР от 07.08.1932 «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности».

REFERENCES:

1. *Arkhiv Birobidzhanskogo raionnogo suda. Prigovor ot 23.09.1936.* (In Russ.).
2. *Arkhiv Smidovichskogo raionnogo suda. Perepiska s organami yustitsii za 1937–1940 gody.* (In Russ.).
3. *Birobidzhanskaya zvezda.* 1933, 11 avg. (In Russ.).
4. *Birobidzhanskaya zvezda.* 1935, 15 iyunya. (In Russ.).
5. *Birobidzhanskaya zvezda.* 1935, 11 iyunya. (In Russ.).
6. *Birobidzhanskaya zvezda.* 1935, 24 iyunya. (In Russ.).
7. *Birobidzhanskaya zvezda.* 1935, 16 marta. (In Russ.).
8. *Birobidzhanskaya zvezda.* 1935, 12 iyulya. (In Russ.).
9. *Birobidzhanskaya zvezda.* 1935, 23 marta. (In Russ.).
10. *Birobidzhanskaya zvezda.* 1939, 23 noyab. (In Russ.).
11. *Birobidzhanskaya zvezda.* 1940, 07 avg. (In Russ.).
12. *Birobidzhanskaya zvezda.* 1940, 30 avg. (In Russ.).
13. *GA EAO.* F. 234, Op. 3, D. 2, L. 5. (In Russ.).
14. *GA EAO.* F. 234, Op. 3, D. 2, L. 6. (In Russ.).
15. *GA EAO.* F. 234, Op. 3, D. 1, L. 1. (In Russ.).
16. *GA EAO.* F. 36, Op. 1, D. 387, L. 86. (In Russ.).
17. *GA EAO.* F. 36, Op. 1, D. 144, L. 104. (In Russ.).
18. *GA EAO.* F. 36, Op. 1, D. 387, L. 88. (In Russ.).
19. *Postanovlenie TsIK i SNK SSSR ot 07.08.1932 «Ob okhrane imushchestva gosudarstvennykh predpriyatii, kolkhozov i kooperatsii i ukreplenii obshchestvennoi (sotsialisticheskoi) sobstvennosti».* (In Russ.).